

УДК 82-91

УРОКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЕ Л.Н. ТОЛСТОГО: ЗАЧЕМ ДЕТЯМ ПИСАТЬ РАССКАЗЫ?

Е.Е. Анисимова (Красноярск, Россия)

Е.Ю. Терехова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются литературные опыты учеников Яснополянской школы в контексте педагогических и общественных воззрений, эстетических поисков и житнетворческих практик Л.Н. Толстого.

Цель статьи – исследовать взаимное влияние учеников Яснополянской школы и Л.Н. Толстого в ходе его литературно-педагогического эксперимента: развитие крестьянской субъектности, с одной стороны, и толстовский поиск новых, «опрошенных» форм собственного художественного творчества – с другой.

Обзор научной литературы. Теоретической основой для проведения исследования стали труды, посвященные творчеству Л.Н. Толстого, литературному и идеологическому контексту его сочинений для народа – «О теории прозы» В.Б. Шкловского, «Лев Толстой: исследование. Статьи» Б.М. Эйхенбаума, «Ex ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности» А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, «Азбука Л.Н. Толстого как идеологический проект» и «Лев Толстой как учитель *creative writing*» Н. Осиповой.

Основные методы исследования. В статье были использованы методы нарратологии, семиотики бытового поведения и социологии литературы. Теоретико-методологической основой исследования послужили работы В. Шмида об эквивалентности, Ю.М. Лотмана и Б.М. Эйхенбаума о житнетворчестве и «литературной карьере», А.В. Вдовина и Ю.И. Красносельской о социокультурных функциях литературы.

Результаты исследования. Установлена роль литературно-педагогического эксперимента Л.Н. Толстого в формировании крестьянской субъектности и развитии писательских навыков у учеников Яснополянской школы, определены особенности поэтики таких сочинений, выявлена связь педагогических опытов и поисков нового «опрошенного» стиля в творчестве писателя.

Выводы. Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что литературно-педагогический эксперимент Толстого предполагал двустороннее обучение крестьянских детей и самого писателя. Благодаря толстовской педагогической программе яснополянские ученики смогли не только освоить грамоту, но и развить собственную субъектность. Так, один из выпускников школы, «любимейший ученик» Толстого, В.С. Морозов стал писателем и мемуаристом. Сам романист постепенно овладевал «народным» языком, включал в собственные сочинения приемы детского письма и формировал свой новый, «опрошенный» стиль.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Ясная Поляна, крестьянская субъектность, «опрошение», детское литературное творчество, педагогика.

Постановка проблемы. Педагогическое мышление Л.Н. Толстого отличалось оригинальностью и во многом развивалось вопреки системе образования, сложившейся к середине XIX в. в Западной Европе. В России

устоявшейся практики обучения крестьянских детей еще не существовало, в период проведения Великих реформ интенсивные дискуссии по этому вопросу только начинались [Вдовин, 2024, с. 59]. Основав школу для крестьянских детей в Ясной Поляне, писатель не только изучал теоретические труды по педагогике, но и совершил заграничную поездку, чтобы ознакомиться с существующими педагогическими практиками. В 1860–1861 гг. он побывал в Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Англии и Бельгии. Посетив ряд заграничных школ, Толстой обнаружил, что европейская система образования лишает ученика самостоятельности и свободы мышления, поскольку построена на принудительном обучении – применении телесных наказаний, заучивании известных фактов, а также бездумном письме и чтении: «Школы представляются ему [ученику] учреждением для мучения детей, – учреждением, в котором лишают их главного удовольствия и потребности детского возраста – свободного движения, где Gehorsam (послушание) и Ruhe (спокойствие) – главные условия, где даже для того, чтобы пойти “на час”, ему нужно особое позволение, где каждый проступок наказывается линейкой, той же палкой...»¹.

Яснополянская школа, основанная писателем в 1859 г., стала беспрецедентным педагогическим экспериментом, в основе которого лежали свобода и заинтересованность. Посещение занятий не было обязательным: ученики оставались в классах только в том случае, если им самим было интересно учиться. В программу обучения был включен необычный для своего времени урок литературного письма. Занимался с детьми художественными сочинениями сам Толстой. При этом программа обучения не только была направлена на крестьянских детей, но и являлась важным слагаемым творческого развития самого писателя. Этот аспект литературного письма он подчеркнул в названии своей известной педагогической статьи: «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862).

Цель настоящей статьи – исследовать взаимное влияние учеников Яснополянской школы и Л.Н. Толстого в ходе его литературно-педагогического эксперимента: развитие крестьянской субъектности, с одной стороны, и толстовский поиск новых, «упрощенных» форм художественного творчества – с другой.

Обзор научной литературы. Теоретической основой нашего исследования являются труды Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, А.К. Жолковского, Ю.К. Щеглова, Н. Осиповой, посвященные поэтике художественных произведений Л.Н. Толстого и его сочинениям для народа. Б.М. Эйхенбаум установил взаимосвязь «литературной карьеры» и педагогических экспериментов писателя, конкретизировал его эстетическую и идеологическую позицию [Эйхенбаум, 2001; 2009]. Концепция ученого была дополнена в работах Н. Осиповой, показавшей идеологические составляющие «Азбуки» и новаторство Толстого в разработке

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 8: Педагогические статьи, 1860–1863. С. 11.

техник творческого письма [Осипова, 2014; 2023]. В трудах В.Б. Шкловского, А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова были изучены ключевые художественные приемы Толстого, применяемые писателем в детских рассказах: остранение и наличие архисюжета [Шкловский, 1929; Жолковский, Щеглов, 2016].

Методология. В статье были использованы методы нарратологии, семиотики бытового поведения и социологии литературы. Теоретико-методологической основой исследования послужили работы В. Шмида об эквивалентности [Шмид, 2003], Ю.М. Лотмана и Б.М. Эйхенбаума о житнетворчестве и «литературной карьере» [Лотман, 1992; Эйхенбаум, 2001], А.В. Вдовина и Ю.И. Красносельской о социокультурных функциях литературы [Вдовин, 2024; Красносельская, 2023].

Результаты исследования. По наблюдению Ю.М. Лотмана, специфика русской словесной культуры состояла в том, что истинность написанного текста должна была подтверждаться поступками писателя, его личной биографией. «Великие биографии» Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, по мысли исследователя, стали вершиной сложной культурной работы всего XIX в. [Лотман, 2024, с. 376]. Житнетворческий проект Толстого, в основу которого были положены процессы самовоспитания и самонаблюдения, определил не только профиль его личности, но и поэтику его литературных шедевров. Открытие толстовского самоанализа принадлежит Б.М. Эйхенбауму. Как показал ученый, дневник наблюдений стал для Толстого инструментом формирования авторского стиля: «У Толстого вместо убеждений были “правила”, имевшие характер военных приказов и относившиеся ко всем случаям и вопросам жизни... Несовпадение между этими правилами и поступками заинтересовало его, побудило его наблюдать за собой и за другими, “испытывать”, экспериментировать, вести дневник – отсюда началась литература (“История вчерашнего дня”). Первоначальный материал Толстого – мир миниатюрных движений душевной жизни, рассматриваемый в микроскоп. Описание одного дня оказалось вещью, которую невозможно кончить. Отсюда пошло и его “Детство”, и полное собрание его сочинений» [Эйхенбаум, 2001, с. 108].

Толстовский литературно-педагогический проект в Яснополянской школе явился вторым этапом в постижении и выработке писателем естественного, простого языка. Позднее в предисловии к рассказу своего повзрослевшего ученика он так сформулировал отличительные черты крестьянского детского письма: «Как тогда мне были особенно дороги в милом мальчике (В.С. Морозове. – *Е.А., Е.Т.*) его чуткость на все доброе, его сердечность и, главное, всегдашняя искренность и правдивость, – так и теперь мне особенно понравились те же черты в этом простом рассказе, так ярко отличающемся своей правдивостью от большинства литературных писаний. Чувствуешь, что тут нет ничего придуманного, сочиненного, а рассказано то, что именно так и было, – выхвачен, кусочек жизни, и той именно русской жизни с ее грустными, мрачными и дорогими, задушевыми чертами»².

² Морозов В.С. За одно слово. Рассказ / предисл. Л.Н. Толстого // Вестник Европы. 1908. № 9. С. 64.

По мысли Эйхенбаума, школа была для Толстого «совсем не общественным, а глубоко индивидуальным делом, <...> она оказалась методом разрешения его жизненных и писательских проблем» [Эйхенбаум, 2009, с. 411]. Именно педагогическая деятельность помогла писателю преодолеть внутренний кризис и одновременно явилась стратегией возвращения в актуальный литературный процесс. Педагогические воззрения Толстого были ориентированы на естественное сближение и в то же время автономность сословий. Основатель Яснополянской школы выступал против обучения простого народа интеллигенцией, которая, по его мнению, стремилась оказать на крестьян сильное и при этом искусственное воздействие [Эйхенбаум, 2009, с. 400]. Сам он старался понять крестьян, обучить тому, что необходимо для гармоничной жизни внутри своего сословия, помочь выразить в слове свои мысли и чувства. Ю.И. Красносельская следующим образом сформулировала подход писателя к народному образованию: «Изучать законы, определяющие существование школы как общественного организма, вместо того чтобы искусственно моделировать их, – вот тот “научный” метод, который Толстой предлагает вместо устаревшего умозрительного подхода к образованию» [Красносельская, 2023, с. 369].

По наблюдению А.В. Вдовина, после реформы 1861 г. крестьяне получили право на субъектность, т.е. возможность не только самостоятельно принимать решения, но и быть «авторами», создателями культурного продукта. В отечественной словесности в это время на первый план вышла категория «чувственного» как новая репрезентация крестьянской субъектности в социальной перспективе: «Крестьяне представали в текстах как субъекты, которые, возможно, не всегда автономно действуют и думают, но уж точно самостоятельно чувствуют, много страдают и переживают» [Вдовин, 2024, с. 106]. Именно толстовский самобытный подход позволил создать прецедент крестьянской субъектности, подтверждением чего является дальнейшая судьба одного из первых выпускников школы – Василия Морозова. Он стал автором мемуаров о писателе, в которых не только рассказал об уроках в народной школе и свободном времяпрепровождении учеников, но и по-особому представил фигуру Толстого как педагога, который стремился не подавить крестьянскую идентичность, а понять уклад жизни и образ мыслей селян³. Не став профессиональным литератором, Морозов тем не менее продолжил свои литературные занятия. В 1908 г. его рассказ «За одно слово» был напечатан с предисловием Л.Н. Толстого в журнале «Вестник Европы»⁴.

В рассказе Морозова заметно влияние сочинений Л.Н. Толстого для народа, а автобиографический герой произведения становится носителем качеств и внешних черт писателя. Характерно, что работающий извозчиком Василий для

³ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом ученика яснополянской школы Василия Степановича Морозова / под ред. А. Сергеевко. М.: Посредник, 1917. № 1154. 136 с.

⁴ Морозов В.С. За одно слово: рассказ / предисл. Л.Н. Толстого // Вестник Европы. 1908. № 9. С. 64–71.

просящего милостыню нищего в рассказе сам оказывается в роли барина: «Хотя я и крестьянин, но одет был по-господски: на мне был пиджак и крепкие сапоги с галошами, передо мной лежали газета и очки»⁵. Образ Толстого в рассказе «За одно слово» является сюжетообразующим. Повествование открывается чтением статьи о писателе, а память о его жизненных уроках помогает совершить герою верный нравственный выбор – побеседовать с нищим и организовать для него сбор денег. Педагогический эксперимент Толстого в Ясной Поляне заключался в сохранении status quo своего сословия и возможном ментальном выходе в другое сословие (писательство для крестьянина и «опрощение» для аристократа). Перспективу такого выхода за пределы своего социального кругозора демонстрирует и сюжет рассказа «За одно слово»: персонаж входит в положение вышедшего из тюрьмы нищего, по отношению к которому рассказчик – «барин»⁶.

Для создателя «Азбуки» и «Новой азбуки» крестьянская идентичность имела первостепенную важность: занимаясь вместе с детьми уроками литературного творчества, Толстой старался не только как можно больше узнать о сельском образе жизни и миропонимании народа, но и зафиксировать их повседневную разговорную речь, особое употребление народных выражений. В этом процессе он выступал не столько педагогом, обучающим своих воспитанников, сколько учеником: «Называя себя “искателем клада”, Толстой почти проговорился: ему нужна не школа, не педагогика – ему нужно, действительно, найти клад, с помощью которого он сможет вернуться к творчеству; ему нужно убедиться, что творчество это существует не как прихоть, не как забава, а как потребность, вложенная природой» [Эйхенбаум, 2009, с. 414].

Сам Толстой в статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», посвященной не столько педагогической деятельности, сколько познанию литературного мастерства, отмечал: «Мне казалось столь странным, что крестьянский, полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой, на всей своей необъятной высоте развития, не может достичь Гете. Мне казалось столь странным и оскорбительным, что я, автор “Детства”, заслуживший некоторый успех и признание художественного таланта от русской образованной публики, что я, в деле художества, не только не могу указать или помочь одиннадцатилетнему Семке и Федьке, а что едва-едва, – и то только в счастливую минуту раздражения, – в состоянии следить за ними и понимать их»⁷.

Толстовским ориентиром в постижении энергии народного слова стали образы двух мальчиков – Федьки и Семки, прототипами которых являлись яснополянские ученики – Василий Морозов и Игнат Макаров. Толстой практиковал

⁵ Морозов В.С. За одно слово: рассказ / предисл. Л.Н. Толстого // Вестник Европы. 1908. № 9. С. 66.

⁶ В рассказах из крестьянского быта XIX в., как показал А.В. Вдовин, был широко распространен совсем другой тип повествования, основанный на сюжете дьявольского искушения извозчика [Вдовин, 2024, с. 308–327].

⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 808.

в школе написание художественных произведений крестьянскими детьми на основе народных пословиц. Потом, как мы знаем, многим собственным рассказам писатель даст наименования и подзаголовки-пословицы («Бог правду видит, да не скоро скажет», «Коготок увяз, всей птичке пропасть» и др.). Несмотря на общность заданного «источника вдохновения», у каждого ученика проявлялся свой индивидуальный стиль. Так, писательский слог Семки отличался резкостью и объективностью художественного описания, построенного на перечислении обыкновенных вещей, и указанием на конкретные детали. А повествование Федьки характеризовалось изображением чувственно-эмоционального плана персонажа⁸. Как отмечает Б.М. Эйхенбаум, эта пара учеников наглядно демонстрирует внутреннее творческое противоречие самого Толстого: «В этих мальчиках Толстой видит воплощение двух художественных методов, борьба между которыми определяет его собственное творчество. <...> Яснополянская школа была школой не столько для крестьянских детей, сколько для самого Толстого – она “формировала” его, т.е. вернула к писательству» [Эйхенбаум, 2009, с. 412].

Примечательно, что сам Толстой стремился овладеть писательским навыком Федьки, стараясь освободиться от сформировавшихся в его творчестве авторских художественных приемов – «генерализации», т.е. приема обобщений, а также «мелочности» – подробного описания деталей: «Главное свойство во всяком искусстве – чувство меры – было развито в нем необычайно. Его коробило от всякой лишней черты, подсказываемой кем-нибудь из мальчиков. Он так деспотически и с правом на этот деспотизм распоряжался постройкою повести, что скоро мальчики ушли домой и остался только он с Семкою, который не уступал ему, хотя и работал в другом роде»⁹.

Отталкиваясь от литературности языка, Толстой, благодаря своим наиболее одаренным ученикам, стал осваивать новые художественные приемы, формируя особый взгляд на искусство: «Мне казалось, что я подсмотрел то, что никто никогда не имеет права видеть, – зарождение таинственного цветка поэзии. Мне и страшно и радостно было, как искателю клада, который бы увидал цвет папоротника: радостно мне было потому, что вдруг, совершенно неожиданно, открылся мне тот философский камень, которого я тщетно искал два года, – искусство учить выражению мыслей; страшно потому, что это искусство вызывало новые требования, целый мир желаний, несоответственный среде, в которой жили ученики, как мне казалось в первую минуту. Ошибиться нельзя было. Это была не случайность, но сознательное творчество»¹⁰.

Проект Толстого был настолько новаторским и необычным для своего времени, что, узнав об открытии народной школы, крестьяне с недоверием отнеслись к этой новости и не сразу согласились отдать своих детей на обучение. Школьное времяпрепровождение состояло не только из уроков, но и из детских

⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 304.

⁹ Там же. С. 305.

¹⁰ Там же.

игр, оживленных бесед о жизни и литературе. Отвергая телесные наказания и жесткую дисциплину, Толстой создавал дружескую атмосферу, построенную на взаимном уважении и свободе мнения. Писатель занимался вместе с учениками гимнастикой и борьбой, становился участником детских игр и шалостей, тем самым превращаясь из великого писателя, авторитетного педагога в равного самим школьникам: «Мы окружаем Льва Николаевича, цепляемся за него сзади и спереди, подставляя ему ноги, кидаемся в него снежками. ... Через некоторое время от усталости, но чаще в шутку, он валится в снег. Восторг неописанный наш! ... Так часы проходили у нас минутами»¹¹.

Наибольшую эмоциональную близость с Толстым ребята обретали в совместном художественном творчестве. В этом отношении образцом литературного письма крестьянских детей является рассказ В. Морозова «Солдаткино житье». Перед тем как он появился в печати, Толстой и его ученики совместно работали над написанием другого произведения. Примечательно, что процесс сочинительства охарактеризован с позиции учеников и самого писателя различно. В своих воспоминаниях Морозов позиционирует себя, Игната Макарова и Толстого как равных сочинителей, обладающих художественным мастерством: «То Лев Николаевич скажет, то Макаров, то я. И мы как бы друг другу не уступали, сочинения были равные»¹². Толстой, напротив, отмечал собственную художественную несостоятельность и подчеркивал ведущую роль своих учеников¹³. О том, как было решено опубликовать результаты литературных занятий, Василий Морозов вспоминает так:

«Мне стало завидно, что Лев Николаевич воспользуется один всеобщей книгой...

– Лев Николаевич, а вы напечатывайте всех нас троих. Вот, например, по фамилии: Макаров, Морозов, а ваша как фамилия?

– Толстой.

– Ну вот так троих и ставьте: Макаров, Морозов и Толстов»¹⁴.

Однако сочинению не суждено было появиться в печати: ученики, увлекшись играми в хлопушки из бумаги, случайно сожгли рукопись. Тогда Толстой, расстроенный из-за случившегося, попросил Морозова описать собственную жизнь. Так был создан рассказ «Солдаткино житье». Ученик поведал о своих детских годах – трудном для его семьи времени, когда отца из-за пьянства забрали на военную службу. В рассказе представлены подробности крестьянского быта, семейных взаимоотношений, детских шалостей. Это сочинение Морозова Толстой опубликовал в 9-й книге Яснополянского журнала за 1862 г., а затем включил в состав «Русских книг для чтения»:

«Написанное Лев Николаевич просматривал и все говорил:

– Хорошо, очень, очень хорошо! <...> Вот я тебе его и напечатаю.

¹¹ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 35.

¹² Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 79.

¹³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 302.

¹⁴ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 79.

Я в душе не верил этому. Но вскоре я свой рассказ прочел напечатанным – «Солдаткино житье», как назвал мой рассказ Лев Николаевич»¹⁵.

Сюжетная линия произведения связана с другим опубликованным в журнале сочинением ученика Егора Чернова «Как мой батинька был в солдатах». В центре повествования – крестьянская семья, глава которой – винокур, отправляющийся на службу. В отличие от сочинения Морозова, в котором персонаж в силу юного возраста сквозь сон помнил своего отца, герой Чернова изначально взаимодействует с родителем перед его отправкой, но до конца не осознает происходящего: «Я спросил у одного мальчика: об чем моя матушка плачет? Костюшка говорит:

– Твоего отца хотят в солдаты отвезть.

А я говорю:

– Небойсь, не отвезут»¹⁶.

После отправки отцов на службу в сочинениях обоих учеников последовательно предстают тяготы крестьянской жизни в отсутствие кормильца. В этом отношении «Солдаткино житье» содержит более подробное изображение героем крестьянской жизни без отца: «Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому; мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка – от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж»¹⁷. Глазами мальчика представлены как радостные, так и тяжелые события из жизни семьи: горе матери после потери новорожденного ребенка, свадьба старшей сестры, смерть бабушки.

В сочинении «Как мой батинька...» в центре внимания оказываются не столько семейные сложности и события, сколько личные трудности крестьянского мальчика – обучение грамоте у сельского пономаря, который активно применял телесные наказания за непослушание. Так, герой, осваивая письмо и чтение, не раз оказывался побитым за оплошности: «Пономарь взял прут и ну нас бить, да приговаривает: “Зачем вы, сукины дети, долго гуляли? Я вас отпустил погулять немножко, а вы, подлецы эдакие, до вечера гуляли, а?”»¹⁸. Если, по наблюдению А.В. Вдовина, для крестьянских рассказов середины 1840–1850-х гг. была характерна непрозрачность мышления крестьян (например, немота Герасима из хрестоматийного рассказа И.С. Тургенева «Муму»), то эксперимент Толстого, напротив, позволял показать мышление юных селян изнутри.

Следующий этап развития сюжета – возвращение солдата с военной службы. В сочинении Чернова действие разворачивается стремительно: персонаж сразу сообщает мальчику о своем приезде. В рассказе Морозова главный герой

¹⁵ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 81.

¹⁶ Чернов Е. Как мой батинька был в солдатах // Ясная Поляна. Книжка для взрослых. 1862. № 3. С. 75.

¹⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 21: Новая азбука и русские книги для чтения, 1874–1875. С. 226.

¹⁸ Чернов Е. Как мой батинька был в солдатах. С. 77.

не понимает, что перед ним его отец (мотив неузнанного члена семьи), для него эта тайна раскрывается по ходу развития сюжета. Узнавание происходит только в финальной части детского рассказа: «Солдат пошел со мной, да так скоро, что я бегом за ним не поспевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат помолился богу и говорит: “Здравствуйте!” Потом разделся, сел на конник и стал оглядывать избу и говорит: “Что ж, у вас семьи только-то?” Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит: “Где ж матушка?” – а сам заплакал. Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. <...> А отец и говорит: “Это чья же молодая бабочка?” А мать засмеялась и говорит: “Свою дочь не узнал”. Отец позвал ее еще к себе и поцеловал и спрашивал, как она живет»¹⁹. Финал рассказов напоминает народную сказку и сопровождается надеждами на начало новой жизни для героев: «Стали жить с ним, да поживать»²⁰; «С тех пор мы стали хорошо жить...»²¹.

В «Русские книги для чтения» Толстого были помещены и другие два текста, написанные яснополянскими учениками: «Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза» и «Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город». Готовя произведения к повторной публикации, писатель переработал их стилистически и композиционно. В первый из названных рассказов он включил дополнительные художественные детали: описание чувств мальчика после происшествия, особенности крестьянского гардероба²², контрастные картины природы во время грозы и после нее, а также отказался от хронологического принципа изложения событий. Во втором рассказе писатель также переместил в композиционный и смысловой центр произведения «вещий сон» мальчика о калачике, а Тулу заменил на более обобщенный для потенциального читателя «город».

В журнальных первопубликациях произведения имели более лаконичные названия: «Сочинение Василия Румянцева» и «Как меня не взяли в Тулу». Переименовав детские сочинения, Толстой акцентировал саму ситуацию рассказывания, значимость которой он в полной мере ощутил именно во время занятий литературой с крестьянскими детьми. Ребята слушали его внимательно только в том случае, когда знали, кем были рассказаны истории²³. Вероятно, именно яснополянские занятия вдохновили Толстого на то, чтобы внедрить эту повествовательную стратегию в свои последующие произведения. Так, в рассказе «Ермак» (1872) атаман воодушевляет дружину на неравный бой с Кучумом тем, что рассказывает притчу о лошади, которая должна тянуть тяжелый воз в гору: «Разве не видите сами? Назад идти – перебьют; мимо плыть – перебьют; здесь стоять – перебьют. Куда же нам попясться? Раз потрудишься, после полегчает. Так-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Как под горку везет, и по ровному везет, а как придется в гору – за-

¹⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. С. 228–229.

²⁰ Чернов Е. Как мой батинька был в солдатах. С. 78.

²¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. С. 230.

²² О роли крестьянского гардероба в творчестве и житнетворчестве Толстого см.: [Гевель, 2025].

²³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 60.

норовится, назад воротит, думает – легче будет. Так взял батюшка кол, возил-возил ее колом-то. Уж она крутилась, билась, всю телегу разбила. Выпряг ее батюшка из воза и ободрал. А везла бы воз, никакой бы муки не видала. Так-то и нам, ребята. Одно только место осталось – прямо на татар ломить. Засмеялись казаки, говорят: “Видно ты, Тимофеич, умнее нашего; нас, дураков, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. Двух смертей не бывать, а одной не миновать”»²⁴.

В толстовских рассказах для детей образ рабочей лошади эквивалентен образу простого мужика – крестьянина или казака, который тянет свой «воз» как бы трудно ему ни приходилось²⁵. В этом отношении примечательна более поздняя повесть Толстого «Холстомер» (1886), написанная, как можно видеть, с учетом его педагогического опыта. Главный персонаж произведения – старый мерин Холстомер, который рассказывает собственную историю жизни другим лошадям²⁶. Интересно, что он представлен не только как рассказчик, но и как личность, наделенная способностью к рефлексии: «Я задумывался над несправедливостью людей, осуждавших меня за то, что я пегий, я задумывался о непостоянстве материнской и вообще женской любви и зависимости ее от физических условий, и главное, я задумывался над свойствами той странной породы животных, с которыми мы так тесно связаны и которых мы называем людьми – теми свойствами, из которых вытекала особенность моего положения на заводе, которую я чувствовал, но не мог понять»²⁷. Иначе говоря, образ Холстомера продолжает яснополянские опыты Толстого в области крестьянской субъектности и «опрощенного» нарратива.

В «Русских книгах для чтения» 1875 г. писатель отказался от любых указаний на авторство, тем самым включив сочинения своих учеников в круг собственных произведений и переработанных версий произведений других известных писателей. При этом общая линия повествования всего сборника характеризуется стилистическим единообразием. Это свидетельствует о том, что к этому времени писатель в совершенстве овладел навыками «народного письма».

Таким образом, литературно-педагогический эксперимент Толстого позволил представить оригинальную методику взаимодействия с крестьянскими детьми, которая предполагала процесс двустороннего обучения. Благодаря толстовской педагогической программе яснополянские ученики смогли освоить грамоту, развить субъектность, а также раскрыть собственный творческий потенциал – овладеть навыками писательского мастерства. В свою очередь, Толстой, выступая не только в роли педагога, но и ученика, постепенно овладевал «народным» языком и стилем, смог по-иному осмыслить природу искусства. Так, формируя основы нового художественного метода и отталкиваясь от литературных условностей, он приходит к «опрощению» стиля и освобождению от «генерализации».

²⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. С. 194.

²⁵ Подробнее об этом см.: [Анисимова, 2024, с. 23].

²⁶ О повествующих животных как приеме остранения у Толстого см.: [Шкловский, 1929, с. 14–17].

²⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л.Н. Толстой; под общ. ред. В.Г. Черткова. М.: Гослитиздат, 2006. Т. 26: Произведения 1885–1889. С. 18.

Библиографический список

1. Анисимова Е.Е. Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого. Рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения»: редакции, поэтика «сцеплений» // Вестник Томского государственного университета. 2024. С. 18–26. DOI: 10.17223/15617793/505/2
2. Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: НЛЮ, 2024. 314 с.
3. Гевель О.Е. Образ рубашки в творчестве и житнетворчестве Л.Н. Толстого: постановка проблемы // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 64–72. DOI: 10.17223/18137083/91/5
4. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. *Ex ungue leonem*. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: НЛЮ, 2016. 280 с.
5. Красносельская Ю.И. «Общество это составляю я один»: генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах общественного развития // Институты литературы в Российской империи / сост. и отв. ред. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2023. С. 349–396.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
7. Осипова Н. Азбука Л.Н. Толстого как идеологический проект // Лотмановский сборник. 4. М.: ОГИ, 2014. С. 335–348.
8. Осипова Н. Лев Толстой как учитель *creative writing* // Творческое письмо в России: сюжеты, подходы, проблемы / сост. М. Кучерская, А. Баженова-Сорокина, А. Чабан, Д. Харитонов. М.: НЛЮ, 2023. С. 113–137.
9. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
10. Шмид В. Нарратология. М.: ЯСК, 2003. 312 с.
11. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи / сост., вступ. статья, общ. ред. проф. И.Н. Сухих. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.
12. Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. 384 с.

Сведения об авторах

Анисимова Евгения Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: eva1393@mail.ru

Терехова Елена Юрьевна – студент-магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ell.terekhova5445@gmail.com

LESSONS OF LITERARY CREATIVITY IN LEO TOLSTOY'S YASNAYA POLYANA SCHOOL: WHY SHOULD CHILDREN WRITE STORIES?

E.E. Anisimova (Krasnoyarsk, Russia)

E.Yu. Terekhova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article examines the literary experiences of students at the Yasnaya Polyana School in the context of Leo Tolstoy's pedagogical and social views, aesthetic quests, and life-creating practices.

The purpose of this article is to explore the mutual influence of the students of the Yasnaya Polyana school and L.N. Tolstoy during his literary and pedagogical experiment: development of peasant subjectivity, on the one hand, and Tolstoy's search for new, 'simplified' forms of his own artistic creativity.

Review of the scientific literature on the issue. The theoretical basis for the study was provided by works dedicated to the work of L.N. Tolstoy, the literary and ideological context of his writings for the people – *On the Theory of Prose* by V.B. Shklovsky, *Leo Tolstoy: Research. Articles* by B.M. Eikhenbaum, *Ex ungue leonem. Children's Stories of L. Tolstoy and the Poetics of Expression* by A.K. Zholkovsky and Yu.K. Shcheglov, *The ABCs of L.N. Tolstoy as an Ideological Project* and *Leo Tolstoy as a Teacher of Creative Writing* by N. Osipova.

Methodology. The article applies methods from narratology, the semiotics of everyday behavior, and the sociology of literature. The theoretical and methodological foundations of the study were provided by the works of V. Schmid on equivalence, Yu. M. Lotman and B. M. Eikhenbaum on life-creation and 'literary career', and A. V. Vdovin and Yu. I. Krasnoselskaya on the sociocultural functions of literature.

Research results. The role of L.N. Tolstoy's literary and pedagogical experiment in the formation of peasant subjectivity and the development of writing skills among students of the Yasnaya Polyana school has been established, the features of the poetics of such works have been determined, and the connection between pedagogical experiments and the search for a new 'simplified' style in the writer's work has been revealed.

Conclusion. The study comes to the conclusion that Tolstoy's literary and pedagogical experiment envisioned a two-way education for peasant children and the writer himself. Thanks to Tolstoy's pedagogical program, the Yasnaya Polyana students were able not only to master literacy but also to develop their own individuality. Thus, one of the school's graduates, Tolstoy's 'favorite student', V.S. Morozov, became a writer and memoirist. The novelist himself gradually mastered the 'vernacular', incorporating children's writing techniques into his own works, and developing his own new, 'simplified' style.

Keywords: *Leo Tolstoy, Yasnaya Polyana, peasant subjectivity, 'simplified' style, children's literary creativity, pedagogy.*

References

1. Anisimova, E.E. Pokoreniye Sibiri v khudozhestvennoy optike L.N. Tolstogo. Rasskaz "Yermak" v sostave "Vtoroy russkoy knigi dlya chteniya": redaktsii, poetika "stsepleny" [The conquest of Siberia in Leo Tolstoy's artistic optics. The short story "Ermak" as a part of the "Second Russian Book for Reading": redactions, poetics of "linkages"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2024, 505, 18–26. DOI: 10.17223/15617793/505/2

2. Vdovin, A.V. *Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'yanakh i ikh sotsiokul'turnyye funktsii v Rossiyskoy imperii do otmeny krepostnogo prava* [The Riddle of the Sphinx-People. Stories about Peasants and Their Sociocultural Functions in the Russian Empire before the Abolition of Serfdom]. Moscow, NLO, 2024. 314 p.
3. Gevel, O.E. *Obraz rubashki v tvorchestve i zhiznetvorchestve L.N. Tolstogo: postanovka problemy* [The image of a shirt in the novels and life of Leo Tolstoy: formulation of the problem]. In: *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, 2, 64–72. DOI: 10.17223/18137083/91/5
4. Zholkovsky, A.K., Shcheglov, Yu.K. *Ex ungue leonem. Detskiye rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* [Ex ungue leonem. Children's stories by L. Tolstoy and the poetics of expressiveness]. Moscow, NLO, 2016. 280 p.
5. Krasnoselskaya, Yu.I. “Obshchestvo eto sostavlyayu ya odin”: genezis i retseptsiya pedagogicheskogo proyekta L.N. Tolstogo v svete diskussiy nachala 1860-kh godov o zakonakh obshchestvennogo razvitiya [“I alone constitute this society”: the genesis and reception of L.N. Tolstoy's pedagogical project in light of the discussions of the early 1860s about the laws of social development]. In: *Instituty literatury v Rossiyskoy imperii* [Institutes of Literature in the Russian Empire]. Moscow, VSHE, 2023, 349–396.
6. Lotman, Yu.M. *Izbrannyye stat'i: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: in 3 vol. Vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Alexandra, 1992. 479 p.
7. Osipova, N. *Azbuka L.N. Tolstogo kak ideologicheskii proyekt* [L.N. Tolstoy's ABC as an ideological project]. In: *Lotmanovskiy sbornik, 4* [Lotmanovsky collection, 4]. Moscow, OGI, 2014, 335–348.
8. Osipova, N. *Lev Tolstoy kak uchitel' creative writing* [Leo Tolstoy as a Teacher of Creative Writing]. In: *Tvorcheskoye pis'mo v Rossii: syuzhety, podkhody, problemy* [Creative Writing in Russia: Plots, Approaches, Problems]. Moscow: NLO, 2023, 113–137.
9. Shklovsky, V.B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, Federatsiya, 1929. 265 p.
10. Schmid, V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, YASK, 2003. 312 p.
11. Eikhenbaum, B.M. *Lev Tolstoy: issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 952 p.
12. Eikhenbaum, B.M. *Moy vremennik. Marshrut v bessmertiyе* [My Timepiece. Route to Immortality]. Moscow, Agraf, 2001. 384 p.

About the authors

Anisimova, Evgenia E. – DSc (Philology), Professor, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: eva1393@mail.ru

Terekhova, Elena Yu. – MA Candidate, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ell.terekhova5445@gmail.com